

Е. В. Киричук¹, **Н. Е. Ерофеева²**

✉ kirichuk@bk.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация²Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Дж. Барнс о прозе Г. Флобера: филологический роман как способ «глубокого чтения»

К 200-летию Гюстава Флобера (1821–2021).

Аннотация: Целью статьи является рассмотреть произведения французского писателя Г. Флобера из цикла «Три повести» («Легенда о св. Юлиане Странноприимце» (1873–1876), «Простая душа» (февраль–август 1876), «Иродиада» (1876–1877) в интерпретации современного английского писателя Дж. Барнса. Проводится сравнительный анализ предшествующих оценок и подходов к творчеству Г. Флобера в литературоведении и лингвистике XX в. Материалом исследования также послужили письма Г. Флобера, которые позволили выстроить герменевтический анализ повести «Простая душа» и установить связь ее замысла с развязкой сюжета о поисках Брейтуэйта, героя Барнса. Роман Дж. Барнса «Попугай Флобера» и повесть «Простая душа» определяют два вектора чтения: поверхностный и «глубокий». Следуя вектору глубокого чтения, можно сделать вывод о повести Флобера как источнике филологического романа Дж. Барнса. Это позволяет преодолеть доминирующий постмодернистский подход к творчеству двух писателей.

Ключевые слова: филологический роман, французская литература, английская литература, Флобер, читатель, автор, чтение.

Дата поступления статьи: 7 декабря 2021 г.

Для цитирования: Киричук Е. В., Ерофеева Н. Е. (2022). Дж. Барнс о прозе Г. Флобера: филологический роман как способ «глубокого чтения». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 1, с. 67–74. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.8.

Scientific article

E. V. Kirichuk¹, **N. E. Erofeeva²**

✉ kirichuk@bk.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation²Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russian Federation

J. Barnes' considerations about G. Flaubert's prose: philological novel as a means of "profound reading"

To the 200th anniversary of Gustave Flaubert (1821–2021)

Abstract: The purpose of the article is to consider the works of the French writer G. Flaubert from the series "Three Tales" ("The Legend of Saint-Julian the Hospitaller" (1873–1876), "A Simple Soul" (February–August 1876), "Herodias" (1876–1877) in the interpretation of the modern English writer J. Barnes. A comparative analysis of previous assessments and approaches to the work of G. Flaubert in literary criticism and linguistics of the twentieth century is carried out. The letters of G. Flaubert became also the material of the study and they made it possible to build a hermeneutic analysis of the novel "A Simple Soul" and establish the connection of its plan with the denouement of the plot about the search for Braithwaite, the hero of Barnes. J. Barnes's novel "Flaubert's Parrot" and the story "A Simple Soul" determine two reading vectors: superficial and "profound". Following the profound reading vector, we can consider the Flaubert's story as the source of the philological novel by J. Barnes. This allows us to overcome the dominant postmodern approach to the works of these two writers.

Keywords: philological novel, French literature, English literature, Flaubert, reader, author, reading.

© Е. В. Киричук, Н. Е. Ерофеева, 2022

Paper submitted: December 7, 2021.

For citation: Kirichuk E. V., Erofeeva N. E. (2022). J. Barnes' considerations about G. Flaubert's prose: philological novel as a means of "profound reading". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 1, pp. 67–74. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.8.

Введение

Великий французский писатель XIX в. Гюстав Флобер (1821–1880) оставил после себя литературное наследие, которое заставило филологов, лингвистов и романистов XX в. обращаться к его творчеству как к образцу искусства слова.

Стремление писателя к «правде» в изображении действительности и к «простоте» определили многообразие подходов и оценок его романистики, драматургии, малой прозы.

В 50-е гг. XX в. проза Г. Флобера оценивается как образец критического реализма: «Углубленное, точное знание предмета, всех подробностей сюжета – одно из важных условий реалистического творчества в глазах Флобера. “Надо как следует обдумать свой объект, прежде чем заботиться о форме, ибо она бывает хороша только в том случае, если нами всецело овладевает иллюзия сюжета” (из письма к Л. Коле в ноябре 1853 года)». (Иващенко, 1956, с. 35).

Но уже в статье Б. Г. Реизова «Гюстав Флобер. “Госпожа Бовари”. Предисловие к книге» (1971), посвященной стилистике писателя, обнаруживается интересное наблюдение: «“Объективное” искусство требует отсутствия автора в его произведении. Автор не должен сообщать своему читателю, что такой-то его персонаж положительный, а другой – отрицательный, что одному нужно подражать, а другого презирать или ненавидеть. Как только читатель обнаружит в произведении некую поучительность, желание навязать ему “точку зрения”, он увидит за персонажем и событиями романа произвол сочинителя, действия и переживания персонажа покажутся выдумкой, и произведение искусства перестанет существовать» (Реизов, 1971).

Г. И. Модина, современный исследователь творчества Г. Флобера, предлагает несколько иную точку зрения на его прозу. Исследователь рассматривает в своих работах широкие аспекты творчества писателя (Модина, 2010). Тексты писателя служат отражением внутренних исканий автора, своеобразной исповедью его ума и сердца (Модина, 2009). Так, исследователь выделяет ранние опыты Флобера «Агонии, скептические мысли», «Мемуары безумца», «Дневник 1840–1841 годов» и повесть «Ноябрь». «Это история внутренней жизни писателя, выражение экзистенциальной тревоги и вместе с тем “история” его литературных опытов, своеобразный эпилог к ранним историческим, психологическим и философским произведениям, итог размышлений о состоянии мира, его властных силах и миниатюрная энциклопедия тех жанров, которыми он к тому времени владел. Но “Агонии” еще и пролог к автобиографическому циклу, открытие новой темы – жизни своего сознания, и поиск новой формы, в которой можно рассказать об этом» (Модина, 2012а, с. 168).

В ранней редакции романа «Воспитание чувств» (1845) писатель еще ищет себя, оттачивает манеру письма, начинает выстраивать свой неповторимый стиль, который позже стали называть «безличным письмом». Поиски творческого «я» действительно и неизбежно приведут писателя к новой эстетической форме повествования. «В “Мемуарах безумца” обнаруживается начало этой трансформации. В книге отражен один из важных этапов творческой эволюции писателя: впервые он задумывается о позиции автора в тексте, впервые обращается к проблеме “автор и текст”. Потому “Мемуары безумца” – это исповедь поэта, история его внутренней жизни и одновременно мастерская писателя, становящегося художником» (Модина, 2012б, с. 360).

Таким образом, проза Флобера становится лабораторией художника, его скрытым миром, в котором он, создавая иллюзию своего отсутствия, выражает свое «я».

Французский ученый, ведущий представитель постструктурализма, Р. Барт в своей работе «Литература и метаязык» называет Г. Флобера писателем, чьи тексты стали первой ступенью к феномену «нулевого градуса письма»: «Благодаря всем этим попыткам наш век (последние сто лет), быть может, будет назван веком размышлений о том, что такое литература (Сартр ответил на этот вопрос извне, чем и обусловлена двусмысленность его литературной позиции). Поскольку же такие поиски ведутся не извне, а внутри самой литературы, точнее, на самой ее грани, в той зоне, где она словно

стремится к нулю, разрушаясь как язык-объект и сохраняясь лишь в качестве метаязыка, где сами поиски метаязыка в последний момент становятся новым языком-объектом, то оказывается, что литература наша уже сто лет ведет опасную игру со смертью, как бы переживает свою смерть; она подобна расиновской героине (Эрифиле в “Ифигении”), которая умирает, познав себя, а живет поисками своей сущности» (Барт, 1989, с. 131). Флобер, по мнению Барта, является «мастеровым», одержимым «мучительным стремлением к недостижимому совершенству» (Барт, 1989, с. 131), т.е. в своем творчестве постоянно уничтожающем самое себя.

В этом же направлении развивается подход к пониманию прозы писателя в «нарратологии» Ж. Женетта: «Такая не дающаяся в руки трансцендентность, ускользание смысла в бесконечном трепете вещей — это и есть письмо Флобера, его самая своеобразная черта, и, быть может, именно это он и сумел завоевать с таким трудом, преодолев гладко-многословный стиль своих ранних произведений. Его переписка и юношеские произведения показывают это со всей очевидностью: Флобер задыхался от множества вещей, которые ему хотелось высказать, — восторга и горечи, любви и ненависти, презрения, грез, воспоминаний... Но вот однажды, как бы помимо всего этого, “у него сложился еще и проект не говорить ничего, этот отказ что-либо выражать, с которого начинается весь опыт современной литературы”. Жан Прево усматривал в стиле Флобера “самый странный каменящий фонтан в нашей литературе”, Мальро пишет о его “прекрасных парализованных романах” — эти образы как раз и передают тот захватывающий результат, что остается от его письма и его видения вещей. Он не написал (да и никто никогда не напишет) свою “книгу ни о чем”, “книгу без сюжета”, но он придавил все сюжеты, на которые был так щедр его гений, плотной массой окаменелого языка, своим “движущимся тротуаром” (по выражению Пруста) из имперфектов и наречий, который один лишь и способен принудить их к молчанию. Его жизненным проектом, о котором он не раз говорил, было умереть для мира, чтобы вступить в литературу. Но и сам язык тоже становится литературой лишь ценой своей собственной смерти, поскольку ему необходимо утратить свой смысл, дабы вступить в безмолвие произведения» (Женетт, 1998, с. 232).

Методы

В исследовании применялись сравнительно-исторический, биографический, герменевтический, компаративный методы.

Результаты

В эту неяркую, но существенную дискуссию уже к концу XX в. встраивается романическая реплика Джулиана Барнса «Попугай Флобера» (Flaubert's Parrot, 1984, перевод на русский язык Т. Шинкарь: Барнс, 2003), на английском языке роман выходил в разных издательствах, в течение нескольких лет пользуясь огромной популярностью (Barns, 1985). Роман относят к ярким образцам современной филологической прозы: «Постмодернизм с его интересом к проблеме текста, интертекстуальных связей, разрушения границ между реальностью и вымыслом, “изгнания автора”, несомненно, способствовал возникновению и развитию “филологического романа”, вариант которого можно усмотреть и в знаменитом произведении У. Эко “Имя Розы” (1980). В английской литературе черты рассматриваемого феномена налицо в творчестве таких известных постмодернистов, как Д. Фаулз, П. Акройд и Дж. Барнс. Естественно, что выделение этих черт и в конечном итоге определение “филологического романа” как жанровой разновидности может произойти только на основе тщательного анализа художественного текста, при том не в произвольно взятых произведениях, а в тех, которые имеют сходные типологические особенности. И такие романы можно выделить. Это “Попугай Флобера” Дж. Барнса (1984), “Чаттертон” П. Акройда (1987), добавим к ним и “Одержимость” А. Байетт (1990) — книгу в меньшей мере постмодернистскую, чем поставленные с нею рядом, но своим сходством с ними и отличием способную подтвердить выдвигаемую нами гипотезу о ведущих признаках “филологического романа”» (Гребенчук, 2008)

Термин «филологическая проза» восходит к явлениям русской литературы XX в. В. Новиков в статье, посвященной этому субжанру современного романа, исследует истоки его возникновения и пути развития (Новиков, 1999). Такой тип романа появляется, когда филолог становится героем, а его профессия определяет основу сюжета произведения. Но возможны инварианты: роман — это форма дневника, статьи или записок, а герой — филолог, ведущий записи. «Филологические» тексты

В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, В. А. Каверина могут служить образцами такой прозы. Особенности жанра рассматривали многие ученые, такие как С. Г. Бочаров, который назвал этот вид прозы «лирикой ума» (Бочаров, 2003), А. Разумова исследовала истоки филологической прозы в творчестве русских формалистов (Разумова, 2004).

Значение филологического романа не только в том, что он делает объектом изображения собственно литературу, но и в возвращении ценностной доминанты классического жанра. Филологический роман рассматривают как «неканонический» жанр, «промежуточный» (Л. Я. Гинзбург), «непроявленный» (А. А. Ахматова).

«Структурализм и деконструкция убедили нас в исчезновении автора, филологический роман позволяет его — автора — вновь отыскать.

Именно этим жанр филологического романа созвучен времени. Истоцив абстракциями свою любознательность, мы интересуемся не набором идей, одинаковых, как карты в колоде, а уникальностью их расклада, узором, образованным причудливым расположением общих идей в сознании автора. Чтобы проникнуть в него, мы должны прибегнуть к попятному чтению, возвращающему строку не только к моменту рождения, но и к обстоятельствам зачатия. Книга для филологического романа — улика, ведущая литературу к ее виновнику.

Когда речь идет о подсознательной, неведомой самому автору глубине его творений, обычно имеется в виду что-то неприятное, вроде классовых интересов или сексуальных комплексов. Однако всякий сильнодействующий анализ — редукция, вроде той, что считает главным в вине алкоголь, с непоправимыми для хорошего вкуса последствиями. В отличие от фрейдизма или марксизма, филологический роман не вымогает у автора его темные секреты, а помогает ему их открыть. Призванный восполнить врожденные дефекты речи, филологический роман компенсирует пристальностью чтения бессилие письма.

Задуманная книга шарообразна, написанная — линейна. Она двумерная проекция объемного замысла. Филологический роман — попытка восстановить непостроенный храм. Это опыт реконструкции, объединяющей автора с его сочинением в ту естественную, органическую и несуществующую целостность, на которую лишь намекает текст» (Генис, 2000).

Филологическая проза действительно переходит грань между филологией как наукой и художественным текстом. Эта проза становится романом только в одном случае — когда появляется романский герой, выразитель авторской рефлексии, выстраивающей, в свою очередь, метатекстуальный уровень чтения. Такую возможность получает романистика эпохи постмодернизма, позволяющей объединить художественный и научный дискурс. Так, в русской литературе XX в. к писателям этого направления относят С. Д. Довлатова и А. Г. Битова.

В творчестве английских писателей XX в., таких как Дж. Фаулз, А. Мердок, Дж. Барнс, П. Акройд, действительно прослеживаются жанровые черты филологической прозы. Кризис «литературы вымысла» (по выражению А. Гениса) порождает стремление писателя к созданию поискового текста как интеллектуального «приключения», не менее увлекательного, чем псевдодетективная интрига. Тем более что центром этого «научного», часто граничащего с мистификацией исследования становится задача восстановления утраченной истины о предмете: тексте, событии, личной тайне.

Центром филологического исследования Дж. Барнса становится повесть Г. Флобера «Простая душа», которая входит в цикл «Три повести»: «Легенда о св. Юлиане Странноприимце» (1873–1876), «Простая душа» (февраль–август 1876), «Иродиада» (1876–1877). И. С. Тургенев, близкий друг писателя перевел на русский язык первую и последнюю повести цикла. В оригинале они вышли в свет в издательстве Шарпантье в 1877 г.

Общей темой настолько разных по содержанию произведений стала непостижимая жизнь человеческой души, как в судьбе легендарных и очень неоднозначных героев (Юлиана и Саломеи / Иродиады), так и в судьбе Фелиситэ, служанки госпожи Обен. История Фелиситэ является центром цикла, в сюжете полностью отсутствует мистика, хотя значение имени героини в переводе с французского означает «благодать» (la félicité) (Flaubert, 2011).

Флобер видел смысл этого женского образа в способности любить, которой очевидно были лишены герои рамочных произведений этого цикла. В письме госпоже Роже де Женетт от 19 июня 1876 г.,

написанном в Круассе, где находилось поместье писателя, он объясняет: «“История простой души” не более как рассказ о незаметной жизни бедной крестьянской девушки, богомольной и мистически настроенной, преданной без всякой экзальтации и нежной, как свежий хлеб. Она последовательно любит мужчину, детей своей хозяйки, племянника, старика, за которым она ухаживает, затем попугая. Когда попугай погибает, она заказывает его чучело и, умирая, смешивает попугая со святым духом. Здесь нет никакой иронии, как вы предполагаете, наоборот — все очень печально и очень серьезно. Я хочу разжалобить, вызвать слезы у чувствительных душ, имея сам чувствительную душу» (Флобер, 1956, т. 5, с. 439).

Различие между попугаем из письма Флобера и чучелом, которое ищет Брейтуэйт, герой романа Дж. Барнса, состоит в том, что для писателя образ попугая был второстепенным и значил лишь способность к «чувствованию» героини, его истинный образ — это видение умирающей Фелиситэ, обретающей свою благодать. Герой Барнса, напротив, ищет предмет, который может открыть ему некую тайну, загадку флоберовского текста и убеждается в полной бессмысленности своего предприятия. Именно того попугая, чучело которого, по легенде, вдохновляло писателя, находясь у него на рабочем столе во время создания повести, найти невозможно. Поверхностный читатель, не вникающий в истоки замысла произведения, подобен попугаю, который автоматически повторяет заученные слова, не понимая их смысла. Дж. Барнс предлагает своему читателю две стратегии чтения: вектор Брейтуэйта на внешнее осмысление — биографию человеческих судеб вокруг Флобера, созданных писателем зооморфных образов, даже «железнодорожный путеводитель по миру Флобера» (Барнс, 2003, с. 141). Можно, подобно школьнику, изучить все обстоятельства жизни писателя и сдать «письменный экзамен» (Барнс, 2003, с. 228) по знаниям об его творчестве. «Интересным в отношении фрагментарности жанровых форм представляется роман Дж. Барнса “Попугай Флобера”, в котором автор использует различные жанры не только художественной прозы, но и документальных источников, например, воспоминания друзей Флобера, записки самого писателя» (Лушникова, Осадчая, 2021, с. 233). Но это нисколько не приблизит нас к тайне Флобера. Последняя, 15-я глава романа Барнса называется «И попугай...» (Барнс, 2003, с. 240).

Трактовка образа попугая или — в постмодернистском контексте — коннотация определяется вектором Брейтуэйта: «Что касается попугая, поиски которого в начале книги символизируют поиск объективной истины, которая ускользает тем дальше, чем больше преследуется, он становится центральной метафорой произведения: попугай как символ слова <...>, попугай как символ ускользающего прошлого <...> Позволим себе предложить и такое толкование: попугай как символ смысла литературного произведения, будь-то “Госпожа Бовари” или “Попугай Флобера”. Птица, повторяющая услышанное в разных комбинациях, до бесконечности — это еще и эмблема постмодернистской эпохи. Барнс (как и любой постмодернистский автор, склонный обсуждать с читателем процесс создания своего произведения и расшифровывать законы внутреннего построения текста), с одной стороны, помогает читателю: кажется, все предельно ясно; но, с другой стороны, каждое найденное решение порождает новые вопросы, в результате смыслы множатся, как стая попугаев» (Велигина, 2003).

Трудно согласиться с этим выводом, поскольку искомый смысл один и он совершенно ясно выражен самим Флобером, главным героем филологического исследования уже не Брейтуэйта, а Барнса, тем более что «Простая душа» обретает значение части триптиха по замыслу автора.

Итак, истинный артефакт не найден, но Брейтуэйт заключает: «Я был одновременно удовлетворен и разочарован. Это был ответ, и вместе с тем это не было ответом, это был конец, и вместе с тем концом это не было. Подобно сердцу Фелиситэ, которое билось все тише и незаметнее, тихо заканчивалась вся эта история, “как иссякающий фонтан, как замирающее эхо”. Что ж, возможно, так и должно быть» (Барнс, 2003, с. 253). Текст в кавычках — это цитата из финала повести, когда простая душа видит над собой «в разверстых небесах гигантского попугая...» (Флобер, 1956, т. 4, с. 122).

Цитата предлагает вслушаться в это «замирающее эхо» флоберовского текста, автор которого видел смысл образа не в вещном мире, а за его пределами. Действительно, ценностное начало для писателя связывалось с идеей, но не с предметом. Барнс, как Флобер, подсказывает своему герою путь понимания, напоминая о силе художественного слова. Этот вектор предполагает глубокое чтение,

не разрыв смысла с текстом, но погружение, «вчувствование» в образ, чего и добивался обладающий «чувствительной душой» Флобер. Последний эпизод повести «Простая душа» – описание перехода, угасания жизни и встречу с самой светлой мечтой Фелиситэ. Писатель создает очень печальный, но удивительно романтический образ этого перехода, которому предшествует картина торжественного шествия с дароносицей в праздник тела Господня по католической традиции: «Голубые волны поднялись в комнату Фелиситэ. С упоением, в экстазе, она вдыхала их, потом закрыла веки. Ее губы улыбались, а сердце билось все медленнее, все тише и, незаметнее, как иссякающий фонтан, как замирающее эхо. И когда она испускала последнее дыхание, ей казалось, что она видит в разверстых небесах гигантского попугая, парящего над ее головой». (Флобер, 1956, т. 4, с. 122) В картине читается два плана: закрытые глаза умирающей Фелиситэ и открывшееся зрение – «она видит». То, что видит героиня, открыто только для нее.

Выводы

Смысл прозрения, глубокого понимания своей судьбы означен в финалах всех трех повестей. Юлиан узнает в прокаженном, которого он приютил, Христа, Фануил понимает пророчество Иоканаана: «Я должен умалиться, дабы возвеличился он» (Флобер, 1956, т. 4, с. 150), Фелиситэ – простая душа – теперь получает благодать любви вечной. Флобер в образе наивной девушки скрыл и одновременно ясно показал смысл непреходящего, вечного, того, что невозможно выразить в слове, но, повторимся, по его объяснению, можно почувствовать. Недаром Дж. Барнс завершает свой филологический роман именно этой цитатой Г. Флобера.

Источники

- Барнс Дж. (2003) *Попугай Флобера*. Пер. с англ. Т. Шинкарь. М., Изд-во АСТ, 253 с.
- Барт Р. (1989) Литература и метаязык. В кн.: Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., Прогресс, с. 131–133.
- Бочаров С. (2002) Лирика ума или пятое измерение после четвертой прозы [Электронный ресурс]. *Новый мир*, № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/11/lirika-uma-ili-pyatoe-izmerenie-posle-chetverttoj-prozy.html.
- Велигина Н. Г. (2003) О трансформации жанра романа в «Попугае Флобера» Джулиана Барнса [Электронный ресурс]. *Вид бароко до постмодернизму*, № 6. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20180325-o-transformacii-zhanra-romana>.
- Генис А. (2000) Фотография души. В окрестностях филологического романа. [Электронный ресурс]. *Звезда*, № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/9/fotografiya-dushi-v-okrestnostyah-filologicheskogo-romana.html>.
- Гребенчук Я. С. (2008) *Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда, «Одержимость» А. Байетт)* [Электронный ресурс]. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 : защ. 27.02.2008 : [место защиты : Воронеж. гос. ун-т]. Гребенчук Яна Сергеевна. Воронеж, 18 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-filologicheskogo-romana-v-angliiskoi-literature-porugai-flobera-dzh-barnsa-chatterton-p-akroyda-odержимость-a-bajett>.
- Женетт Ж. (1998) Моменты безмолвия у Флобера. В кн.: Ж. Женетт. *Фигуры*. В 2-х томах. М., Изд-во им. Сабашниковых, с. 217–234.
- Иващенко А. Ф. (1956) Гюстав Флобер. В кн.: Флобер Г. *Собрание сочинений*. В 5 т. М., Правда. Т. 1, с. 3–37.
- Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. (2021) Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) [Электронный ресурс]. *Научный диалог*, № 6, с. 225–239. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/2803/1660>.
- Модина Г. И. (2012а) «Агонии» Флобера: тревоги судьбы и смерти. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*, № 18 (98), с. 159–169.
- Модина Г. И. (2012б) Автобиографическая повесть Флобера «Мемуары безумца»: исповедь поэта, мастерская художника. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, № 2 (1), с. 356–361.
- Модина Г. И. (2010) Восток в эстетике Флобера. *Сибирский филологический журнал*, № 4, с. 23–29.
- Модина Г. И. (2009) Иерархия универсума в ранней прозе Флобера. *Вестник Томского государственного университета*, № 323, с. 38–40.
- Новиков В. (1999) Филологический роман. Старый жанр на исходе столетия [Электронный ресурс]. *Новый мир*, № 10. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=272701&p=13>.
- Разумова А. (2004) Путь формалистов к прозе. *Вопросы литературы*, № 3, с. 131–150.
- Реизов Б. Г. (1971) Флобер Гюстав. В кн.: Флобер Г. *Госпожа Бовари. Воспитание чувств* [Электронный ресурс]. М., Художественная литература, с. 5–22. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/reizov-flober-gospozha-bovari.htm>.
- Флобер Г. (1956) Простая душа. В кн.: *Собрание сочинений*. В 5 т. М., Правда. Т. 4, с. 95–125.
- Флобер Г. (1956) *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 5. *Письма*. М., Правда, с. 499 с.
- Barns J. (1985) *Flaubert's Parrot*. Picador, London, 190 p. Other edition: Picador, 2002, 229 p.
- Flaubert G. (2011) *Un cœur simple*. Le Livre de Poche, Paris, 96 p.

References

- Barnes J. (2003) *Popugay Flobera* [Flaubert's parrot]. Trans. from Engl. by T. Shinkar. AST Publ., Moscow, 253 p. (In Russian).
- Barthes R. (1989) *Literatura i metazyazyk*. [Literature and Metalanguage]. In: Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Trans. from French. Comp., total. ed. and intro. by G. K. Kosikova. Progress Publ., Moscow, pp. 131–133 (In Russian).
- Bocharov S. (2002) *Lirika uma ili pyatoye izmereniye posle chetvertoy prozy* [Lyrics of the mind or the fifth dimension after the fourth prose]. *Novy Mir – New World*, no. 11. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/11/lirika-uma-ili-pyatoye-izmerenie-posle-chetvertoj-prozy.html (In Russian).
- Veligina N. G. (2003) *O transformatsii zhanra romana v "Popugaye Flobera"* [About the transformation of the genre of the novel in Julian Barnes' "Flaubert's Parrot"]. *Vid baroko do postmodernizma – From Baroque to Postmodernism*, no. 6. Available at: <https://md-eksperiment.org/post/20180325-o-transformacii-zhanra-romana> (In Russian).
- Genis A. (2000) *Fotografiya dushi. V okrestnostyakh filologicheskogo romana*. [Photography of the soul. In the vicinity of the philological novel]. *Zvezda – Star*, no. 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/9/fotografiya-dushi-v-okrestnostyakh-filologicheskogo-romana.html> (In Russian).
- Grebenchuk Ya.S. (2008) *Problema "filologicheskogo romana" v angliyskoy literature ("Popugay Flobera" Dzh. Barnsa, "Chatterton" P. Akroyda, "Oderzhimost'" A. Bayyetta)*. *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The problem of the "philological novel" in English literature ("Flaubert's Parrot" by J. Barnes, "Chatterton" by P. Ackroyd, "Obsession" by A. Byatt)]. *Abstr. Dis. Cand. Philol. Sc.*. Voronezh, 18 p. Available at: <http://www.dissertat.com/content/problema-filologicheskogo-romana-v-angliyskoy-literature-popugai-flobera-dzh-barnsa-chatterton#ixzz3mkYv73Go> (In Russian).
- Genette J. (1998) *Momenty bezmolviya u Flobera* [Flaubert's Moments of Silence]. In: Genette J. *Figury* [Figures]. In 2 vols. Sabashnikov Publ., Moscow, pp. 217–234 (In Russian).
- Ivashchenko A. F. (1956) *Gyustav Flober*. [Gustave Flaubert]. In: Flaubert G. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 5 vols. Pravda Publ., Moscow, vol. 1, pp. 3–37 (In Russian).
- Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu. (2021) *Fragmentarnost' sovremennoy khudozhestvennoy narrativy (na materiale angloyazychnoy prozy)* [Fragmentation of modern literary narrative (on the material of English-language prose)]. *Nauchnyy dialog (Scientific Dialogue)*, no. 6, pp. 225–239. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/2803/1660> (In Russian).
- Modina G. I. (2012a) "Agonii" Flobera: trevogi sud'by i smerti [Flaubert's "Agonies": anxiety of fate and death]. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies"*, Ser., no. 18 (98), pp. 159–169 (In Russian).
- Modina G. I. (2012b) *Avtobiograficheskaya povest' Flobera "Memuary bezumtsa": ispoved' poeta, masterskaya khudozhnika* [Flaubert's autobiographical story "Memoirs of a Madman": a poet's confession, an artist's workshop]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 2 (1), p. 356–361 (In Russian).
- Modina G.I. (2010) *Vostok v estetike Flobera* [East in Flaubert's aesthetics]. *Siberian Journal of Philology*, no. 4, pp. 23–29 (In Russian).
- Modina G. I. (2009) *Iyerarkhiya universuma v ranney proze Flobera* [The hierarchy of the universe in Flaubert's early prose]. *Tomsk State University Journal*, no. 323, pp. 38–40 (In Russian).
- Novikov V. (1999) *Filologicheskyy roman. Staryy zhanr na iskhode stoletiya* [Philological novel. An old genre at the turn of the century]. *Novyy mir – New World*, no. 10. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=272701&p=13> (In Russian).
- Razumova A. (2004) *Put' formalistov k proze* [The path of formalists to prose]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*, no. 3, p. 131–150 (In Russian).
- Reizov B. G. (1971) *Flober Gyustav* [Flaubert Gustave]. In: Flaubert G. *Gospozha Bovari. Vospitaniye chuvstv* [Madame Bovary. Sense education]. *Khudozhestvennaya literatura* Publ., Moscow, pp. 5–22. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/reizov-flober-gospozha-bovari.htm> (In Russian).
- Flaubert G. (1956) *Prostaya dusha* [A simple soul]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 5 vols. Moscow, Pravda Publ., vol. 4, pp. 95–125 (In Russian).
- Flaubert G. (1956) *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 5 vols. Vol. 5. *Pisma* [Letters]. Moscow, Pravda Publ., 499 p. (In Russian).
- Barnes J. (1985) *Flaubert's parrot*. Picador, London, 190 p. Other ed.: Barnes J. *Flaubert's parrot*. Picador, London, 2002, 229 p. (In English).
- Flaubert G. (2011) *Un cœur simple* [Simple heart]. Le Livre de Poche, Paris, 96 p. (In French).

Информация об авторах

Киричук Елена Владиленовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2907-5439>. Researcher ID: Y-1095-2018. E-mail: kirichuk@bk.ru

Ерофеева Наталья Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы. Российский государственный гидрометеорологический университет, институт «Полярная академия» (192007, РФ, г. Санкт-Петербург, Воронежская ул. 79). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2135-8859>. E-mail: natali-erof@yandex.ru

Author`s information

Elena V. Kirichuk

Dr. Sc. (Philol.), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature. Dostoevsky Omsk State University (55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2907-5439>. Researcher ID: Y-1095-2018. E-mail: kirichuk@bk.ru

Natalya Ye. Erofeeva

Dr. Sc. (Philol.), Professor of the Department of Russian Language and Literature. Russian State Hydrometeorological University (79 Voronezhskaya St., St. Petersburg, 192007, Russian Federation). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2135-8859>. E-mail: natali-erof@yandex.ru